

«Преступная роль Беркович заключалась в подборе актрис и контроле за репетициями»

Адвокат Ксения Карпинская о предстоящем процессе над авторами спектакля «Финист Ясный Сокол»

Суд по делу Евгении Беркович и Светланы Петрийчук в Москве. Фото: AP / TASS

11:04, 6 мая 2024,

Зоя Светова

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

3 мая Западный окружной военный суд продлил Жене Беркович и Светлане Петрийчук срок ареста до 22 октября. В ближайшие дни там же начнется судебный процесс по существу. Адвокат Беркович Ксения Карпинская рассказала, в чем обвиняют режиссера и драматурга спектакля «Финист Ясный Сокол» и почему защита считает, что в деле нет никаких доказательств якобы совершенного ими преступления.

— На днях начинается судебный процесс по делу Жени Беркович и Светланы Петрийчук, его еще называют «вторым театральным делом». Что в деле?

— Есть две экспертизы: деструктологическая и психолого-лингвистическая. Мы знали о допросе свидетелей, тех, которые неоднократно упоминались при продлении ареста, и думали, что, может быть, есть еще какие-то свидетели. Но в окончательной редакции, в обвинительном заключении значатся лишь те свидетели, которых следствие суду предлагает вызвать. Собственно, их 17. Семнадцатый свидетель — это наш психолог Алиса Колесова, которую мы допрашивали в суде и которая делала экспертизы по поводу состояния детей в отсутствие матери — она, собственно, ничего не говорит по делу, а говорит о детях.

Адвокат Ксения Карпинская. Фото: Ирина Воробьева / «Новая газета»

Шестнадцать свидетелей защиты из семнадцати

— А 16 свидетелей — это кто?

— Свидетели — это артисты, которые заняты в спектакле. Это композитор, который участвовал в постановке спектакля, помощник режиссера — она мусульманка, училась в медресе и советовалась с разными мусульманскими духовными деятелями, чтобы, не дай бог, никого не обидеть и никакую национальную рознь в этом спектакле не посеять. Допрошены два директора: Александрийского театра в Петербурге, где показывался спектакль в рамках фестиваля «Особый взгляд», и директор Екатеринбургского ТЮЗа, где спектакль тоже показывался в рамках фестиваля «Реальный театр». Свидетель также — продюсер театрального проекта «Дочери Сосо» Александр Андреевич. И еще представитель Союза театральных

деятелей.

Есть единственный, по сути, свидетель обвинения, который был допрошен уже в конце следствия. Он почему-то обнаружил «оправдание терроризма» в спектакле или во время читки пьесы. Собственно — все, больше никаких свидетелей по этому делу нет, а к делу приложен диск со съемками спектакля неизвестным человеком в театре «Пространство внутри» 22 декабря 2022 года. В основном он снимал потолок, но иногда в объектив попадала сцена.

И этот анонимный человек, который его снял, передал диск в следственные органы. На основании этого видео на диске была проведена деструктологическая экспертиза.

— Когда вы прочитали обвинительное заключение, было ли там что-то, что вас удивило?

— Обвинительное заключение — это как бы расширенное постановление о привлечении в качестве обвиняемого, где все, о чем говорится в постановлении, должно подтверждаться теми или иными доказательствами, полученными в ходе расследования. Следователь должен указывать листы и тома дела, где эти доказательства находятся, и излагать их краткое содержание. В данном случае следствие ссылается на показания свидетелей. При этом все эти показания — не обвинительные, а, наоборот, оправдывающие. Но так как нужно каким-то образом это обвинение поддерживать, соответственно, они просто перепечатывают кусками показания свидетелей. Но даже эти куски никак не говорят о том, что Беркович и Петрийчук совершили какое-либо преступление, потому что все актрисы, которые играли в спектакле, — они дают разные показания, рассказывают о том, как был поставлен спектакль, какая роль им была отведена, подтверждают, что они озвучивали свои роли и что они неоднократно этот спектакль играли; о том, что ни о каком «оправдании терроризма» в этом спектакле речи не

было. И, наоборот,

этот спектакль был о том, как не нужно поступать, как не нужно поддаваться вербовщикам, которые всяческим образом пытаются окрутить девушек, попавших в трудную жизненную ситуацию.

И умелые вербовщики, привязывая эту девушку к себе, рассказывают, что надо поехать куда-то, где «течет молоко и мед, где ты будешь печь торты, делать зефир и вообще будешь жить с лучшим в мире человеком, тебя ждет какая-то невероятная жизнь». Ну и, конечно, наверное, они в это верят. Хотя совершенно очевидно, когда ты смотришь спектакль, что это все абсолютный обман. И это совершенно понятно из спектакля.

В спектакле несколько линий этих Марьюшек (собираТЕЛЬный образ женщин) с разными судьбами и историями. А основная линия — это всем известная история Вари Карауловой, которая и рассказывается, исходя из ее интервью и многочисленных фильмов, которые были о ней сняты.

В деле есть автороведческая экспертиза текста пьесы на предмет совпадения с протоколами суда по делу Вари Карауловой. Мне, честно говоря, не очень понятно, зачем ее назначило следствие, возможно, хотели найти плагиат, вот только зачем это в деле об оправдании терроризма... Конечно, там нет никаких совпадений, кроме того, что Варя говорит, судя по протоколу судебного заседания: «Я хотела выйти замуж», и одна из героинь в спектакле говорит: «Я хотела выйти замуж». А еще миллион девушек по всему миру тоже говорят: «Я хотела выйти замуж».

Варвара Караулова в суде. Фото: Геннадий Гуляев / Коммерсантъ

— А что этим обвинение доказывает? Что героиня похожа на Варю Караулову?

— Я не знаю, зачем они это делают. После того как следователь возбуждает дело в отношении неустановленных лиц якобы по признакам содержащегося в спектакле оправдания терроризма, он вместо того, чтобы назначить психолого-лингвистическую экспертизу, как это сказано в постановлении пленума Верховного суда (и только на основании этого можно возбуждать дело), назначает вот эту странную деструктологическую экспертизу в деструктологической лаборатории МГЛУ (Московский государственный лингвистический университет).

Ну, во-первых, и мы это неоднократно говорили в суде, такой экспертизы не существует, и в распоряжении следователей есть

два документа: один из Министерства юстиции Российской Федерации, где нам отвечают, что такого рода экспертиз не существует в принципе, и второй ответ, полученный нашими коллегами из Федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ, которые тоже говорят, что они ничего не знают о такого рода экспертизах, и, соответственно, они не проводятся.

«Признаки деструктивной субкультуры русских женнеофиток»

— То есть, по сути, после таких двух отзывов следователь должен был эту экспертизу исключить, а он этого делать не стал.

— Да, хотя следователь нам неоднократно говорил, что да, наверное, неправильная экспертиза, поэтому-то он и назначил новую. Но при этом, несмотря на тот резонанс, который вызвала в обществе эта деструктологическая экспертиза, он неоднократно предъявлял ее в суде и, соответственно, включил ее в обвинительное заключение, и не признал ее недопустимым доказательством.

И что мы видим в обвинительном заключении? Одним из доказательств вины Беркович является «заключение комплексной деструктологической экспертизы», из которой следует, что в представленных материалах (а эксперту представлялись: пьеса, читка и спектакль) содержатся признаки следующих деструктивных идеологий: «идеологии ИГИЛ, организации, запрещенной в РФ, включающей в себя идеологию джихадизма, идею перманентного насилия, в том числе революционного, и признание джихада как шестого столпа ислама».

Ну я смотрела спектакль, ничего я там не увидела, что «сакрализует насильственные действия и вменяет их

мусульманам как обязательные, халифатизма (идея построения Всемирного исламского государства), идеологии исламизма или «мусульманского освобождения» (на территории Российской Федерации запрещенной, и запрещенной деятельности таких представителей этой идеологии, как «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»)). Это где следователь такое нашел?

Каким образом это содержится в представленных материалах? Нет, это там не содержится. А также не содержится признаков «деструктивной субкультуры русских женнеофиток, террористов и экстремистов, субкультуры так называемого «русского ислама» в материалах спектакля «Финист Ясный сокол», поставленного Беркович, выделяются признаки идеологии радикального феминизма, борьбы с андроцентричным общественным укладом в России».

Ну это похоже на какой-то бред, потому что,

- во-первых, в спектакле ничего нет про эти мусульманские организации,
- во-вторых, мы понимаем, какое место в радикальных мусульманских организациях занимает женщина, для этого не нужно иметь большие познания в исламе. А дальше читаем: этим же спектаклем «проповедуется идеология радикального феминизма», «идеология ИГИЛ, запрещенной в РФ террористической организации, входящей в общий дискурс идеологии насильственного экстремизма, распространяемой через его оправдание, романтизацию и позитивную оценку лиц (особенно мужчин)».

Я чего-то не поняла: что такое «радикальный феминизм с женнеофитками». Но дальше следователь продолжает, что «позитивная оценка лиц, особенно мужчин, служащих этой идее (террористов), может оказать влияние на зрителей и привести к различным действиям, среди которых не исключены действия, подражательного характера».

Сцена из спектакля «Финист Ясный Сокол»

То есть мы смотрим спектакль, в котором совершенно ясно, что этих девушек вербуют, они оказываются в сложной жизненной ситуации: у одной убивают ребенка, другая оказывается в рабстве, третья в сексуальном рабстве — а после этого они бегут и попадают в тюрьму, потому что они пособники терроризма. И это так и есть. Дальше их судят в Российской Федерации, отправляют в колонию, разлучая их с детьми. И получается, что люди, которые посмотрели спектакль, — они захотят повторить эти действия. Но хочется спросить: а кто эти люди?

Вот эти женщины, которые участвовали в проведении как деструктологической экспертизы, так и последующей, женщина-эксперт из ФСБ Екатеринбургской области, — почему же они не захотели подражать этим действиям? Они прочитали пьесу, посмотрели читку и дальше посмотрели спектакль. Это три эксперта, все женщины, кроме Силантьева. И нам известно, что ни одна из них не решила подражать. Мы с вами тоже посмотрели спектакль, и тоже не пошли подражать. Неизвестно вообще ни одного случая, чтобы кто-либо, посмотрев этот спектакль, начал подражать, нашел себе террориста, поехал за

ним в Сирию, чтобы ему стирать одежду...

«Финист Ясный Сокол» — острое высказывание о современном мире»

— Следствие не приводит таких примеров?

— Никаких таких примеров следствие не приводит. Более того — и это важно сказать, — мы заявляли ходатайство о прекращении уголовного дела и просили приобщить документы, которые свидетельствуют о том, что Беркович невиновна. В частности, мы просили приложить к делу договор, который был заключен между Союзом театральных деятелей (СТД) и индивидуальным предпринимателем Беркович, в соответствии с которым она должна была поставить этот спектакль, приняла на себя определенные обязательства, которые предусмотрены этим договором, а именно — постановку спектакля. И к этому договору было еще техническое задание, в котором было все прописано: на какую тему должен быть поставлен спектакль и какие этапы постановки. Так вот, цель проекта, которая утверждена СТД и на которую Министерством культуры на счет СТД были выделены деньги, а из этих денег на постановку был выделен грант, цель следующая:

«создать спектакль, который обратит внимание широкой аудитории на проблему разрушения живой базовой системы ценностей, что приводит к уходу современных молодых девушек и женщин из семей за людьми, которые манипулируют их доверием, и они подпадают под уголовную ответственность за причастность к запрещенным и террористическим

организациям».

Дальше в описании проекта четко указано, что пьеса Светланы Петрийчук основана на реальных событиях и на большом массиве документальных материалов:

«драматург изучила материалы уголовных дел женщин из России, Казахстана, Узбекистана, которые в течение последних лет становились женами исламских террористов и уезжали к своим новым мужьям, драматург художественно осмыслила и переработала документальный материал и использовала как основное решение стилистику русских народных сказок. Пьеса «Финист Ясный Сокол» — это острое, резкое высказывание о современном мире, о сегодняшней российской действительности, в которой молодой человек, женщина, остается без опоры, без веры, без нравственных ориентиров. А действие пьесы происходит в суде, в котором слушается дело одной из женщин, обвиняемых в пособничестве терроризму».

Такова была задумка, и все это одобрили.

И параллельно мы слышим истории многих других женщин, уже получивших сроки по подобным делам, а также инструкции из мирной и с виду счастливой жизни мусульманской женщины, которые, как правило, носят хиджаб, готовят халяльный торт и так далее. И все это происходит в

метафизическом пространстве русской сказки, где героиня Марьюшка ищет и не может найти своего суженого, героя, лицо, которого она не видела и никогда не увидит, но готова жертвовать всем ради того, чтобы с ним встретиться. Она не знает, как его зовут, но хочет счастливой жизни, потому что в ее мире отсутствуют традиционные ценности, к которым мы должны стремиться.

То есть получается, с одной стороны, они, согласно букве закона, становятся сообщницами террористов и несут за это уголовную ответственность. А с другой стороны, система исполнения наказания не разбирается в причинах каждого конкретного случая и не содействует социализации, психологической адаптации этих женщин. Они из одной жизненной ужасной ситуации попадают в другую.

И о чем говорит спектакль? Нам по-человечески жалко этих женщин, но спектакль предупреждает, что если вы будете так делать, то вы окажетесь в подобной трагической ситуации.

Все это согласовано с СТД, так же как были согласованы все актрисы, играющие в спектакле, была согласована музыка (она была написана специально). «Костюмы и сценография создается художником на стыке современного дизайна и театрального костюма. То есть целевая аудитория этого проекта — студенты и молодые горожане. Но неправильно было бы ограничивать, потому что многие могут попасть в подобную ситуацию», — читаем мы в документе, подписанном СТД и авторами.

Как так получается, что из профилактического спектакля, заказанного Союзом театральных деятелей с выделенным на

это грантом, он вдруг превращается в «оправдание терроризма» уже после того, как он вообще снят с показа? Последний спектакль состоялся 22 декабря 2022 года. И как эти странные эксперты приходят к таким выводам, которые совершенно не основаны ни на спектакле, ни на замыслах авторов?

У преступления есть субъективная сторона в виде прямого умысла, которая заключается в том, что лицо осознавало общественную опасность своих действий, предвидело возможность и неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Ну нет! Вот у нас есть все документы, которые свидетельствуют о том, что никто ничего не предвидел и не желал, и нет никаких общественно опасных последствий.

Евгения Беркович. Фото: соцсети

Более того, если исходить из того, что Беркович такая, как они

пишут в своем постановлении: «Беркович разделяет крайне агрессивные формы ислама, исповедует идеологию насильственного воздействия на органы государственной власти, местного самоуправления, устрашение населения и иные формы противоправных действий через участие в незаконных вооруженных формированиях и международных террористических организациях. Достоверно зная о функционировании на территории Сирийской Арабской Республики...» и так далее. Если исходить из этого, то у меня вопрос: а они ведь проводили обыск дома у Беркович, они видели фотографии, они осматривали ее фейсбук* — она что, похожа на человека, который исповедует радикальный ислам? Поэтому она размещает фотографии в купальниках на Мальдивах со своими детьми и друзьями? Кажется, что нет. И это совершенно противоречит тому, о чем говорится в деле.

Я за свободу вероисповедания. Человек волен исповедовать любую религию. И Женя далека от ислама и исповедует другую религию. А спектакли у нее были на тему православия в Грузии — спектакль «Считалка». «Черная книга Эстер» — на еврейскую тему. «Финист Ясный Сокол» был связан с негативным влиянием вербовщиков. То есть Беркович никак не была заиклена именно на исламе или именно на террористах. Это все время были разные, сложные социальные произведения, которые она ставила. Если бы следствие хотело, оно бы это увидело.

«Беркович ходит в тюремную церковь»

— То есть следствие никогда не интересовалось вероисповеданием Беркович?

— Нет, никто у нее не спрашивал о ее отношении к исламу. Во время обыска в квартире никаких атрибутов ислама никто не нашел, не изъял. И совершенно очевидно, что Беркович не является мусульманкой, все это знают, поэтому она не

исповедует радикальный ислам, как утверждается в обвинительном заключении. Мы знаем, что в настоящее время она в следственном изоляторе посещает православную церковь, и это можно запросить и узнать.

— **А как обвинение доказывает, что они оправдывали терроризм?**

— По мнению следствия,

«у Петрийчук и Беркович возник совместный преступный умысел, направленный на публичное оправдание и пропаганду терроризма с использованием интернета, для чего они приняли решение осуществить постановку спектакля «Финист Ясный Сокол».

Значит, сначала Петрийчук сама с собой решила, согласно этому обвинительному заключению, «оправдывать терроризм» и написала пьесу. Потом ей этого показалось мало. Видимо, по мнению следствия, она пришла к Беркович и говорит: «А теперь давай будем оправдывать и пропагандировать терроризм вместе».

Следствие не может определить, чем они занимались: оправданием или пропагандой терроризма. Никаких доказательств, подтверждающих это утверждение, у следствия нет.

Светлана Петрийчук. Фото: Станислав Красильников /ТАСС

Дальше следствие пишет, что «Беркович и Петрийчук вступили в предварительный преступный сговор и разработали план совершения запланированного преступления, распределив между собой преступные роли».

— **То есть?**

— Из материалов дела следует, что Беркович не имела каких-либо отношения к публикации пьесы, она вообще не была знакома с Петрийчук в тот момент. Нет доказательств, что они размещали спектакль в сети Интернет. А именно это является квалифицирующим признаком части 2 статьи 205.2 УК РФ.

— **То есть они не размещали ни спектакль, ни читку спектакля?**

— Не размещали. И первое размещение в сети Интернет, насколько нам известно, появилось 8 мая 2023 года — уже после

их ареста.

— Объясните, пожалуйста, по какой причине обычно возбуждают такого рода дела? Должен быть чей-то рапорт или чье-то заявление? Может быть, есть жалобы возмущенных родителей, чьи дочери после просмотра спектакля поехали в Сирию?

«Уголовное дело без начала...»

— Если посмотреть документы, то в этом деле нет никакого начала. То есть в первом томе много оперативных документов: они ищут Елену Миндадзе, на которую был зарегистрирован канал театрального фестиваля «Любимовка» на YouTube. И вот на протяжении 150 страниц уголовного дела они ее ищут.

Я сначала не поняла, в чем дело. Потом я сообразила, что Елена Гремина и Елена Миндадзе — это одно лицо (Гремина — это псевдоним). Они продолжают собирать материал, ищут, кому принадлежат права на ютуб-канал «Любимовка». Наконец, они понимают, что Миндадзе и Гремина — это один человек, и она умерла в 2018 году, получили свидетельство о смерти.

И дальше они переключаются: пишут запрос в «Золотую маску», спрашивают: «А вы снимали этот спектакль на видео?» И получают ответ: «Нет, мы ничего не снимали. Наши эксперты на все спектакли в Москве ходят сами. Они смотрели этот спектакль».

Дальше пишут в СТД: «А вы снимали спектакль?» Отвечают: «Нет, мы ничего не снимали. Никакого «оправдания терроризма» мы там не нашли».

И таким образом, оперативники пишут бесконечные запросы, получают отрицательные ответы, но в какой-то момент у них оказывается видео постановки, которое кто-то анонимно снял

на телефон во время спектакля в «Пространстве внутри». И часть спектакля на видео — это изображение потолка. То есть ничего происходящего не видно. И тогда возбуждают уголовное дело и назначают деструктологическую экспертизу.

— То есть получается, что правоохранители получили откуда-то какой-то сигнал, что на фестивале «Любимовка» была читка нехорошей пьесы. И они заказывают экспертизу. Так?

— В любом уголовном деле в начале есть либо заявление о преступлении от потерпевшего, либо рапорт сотрудника правоохранительных органов. Терроризм — это публичное обвинение. Кто-то должен был что-то преступное обнаружить. Но никто ничего не обнаружил. Потому и говорю, что у этого дела как бы нет начала. Просто начинают собирать какую-то информацию о пьесе, о читке, а уж потом экспертиза. Когда возбуждают дело, на деструктологическую экспертизу отправляют пьесу, читку с сайта «Любимовка», видео спектакля, который кто-то снял в «Пространстве внутри», и плюс рекламный ролик о спектакле, который показывали на фестивале «Золотая маска». Они в экспертизе пишут, что это ужасный ролик, в котором одновременно пропагандируется радикальный ислам, радикальный феминизм, андроцентрические ценности, и все это за одну минуту без слов. И после того, как экспертиза готова, они предъявляют обвинение.

Сцена из спектакля «Финист Ясный Сокол»

— Приходят с обысками, задерживают и на следующий день арестовывают?

— Да. И мы понимаем, что это какая-то странная история. Начинаем говорить на всех судебных заседаниях, что основанием для избрания меры пресечения является вот эта странная антинаучная деструктологическая экспертиза. Но для того, чтобы избрать меру пресечения, должно быть преступление. В постановлении пленума Верховного суда прямо указано, что экспертиза должна производиться в государственном учреждении и должен быть определенный вид экспертизы. Эту экспертизу проводили в негосударственном учебном заведении, проводили ее негосударственные эксперты. И эта экспертиза — не та экспертиза.

— Создается впечатление, что кто-то во что бы то ни стало хотел привлечь Беркович к уголовной ответственности.

— Возможно, кто-то и захотел. Но кто этот человек?

— Никаких следов?

— Нет. Вот во время изучения дела ты вообще не видишь кого-то, кто в этом заинтересован. Зачем-то большое количество оперативных сотрудников задействовано, следователей, которые пытаются что-то найти... И — странное обвинение, что «преступная роль Петрийчук заключалась в предоставлении текста пьесы актрисам»... То есть когда ты тексты пьесы представляешь актрисам, это преступная роль? Да. «Осуществление контроля за репетициями и за правильностью произношения».

— **Но следствие ей приписывает такую роль?**

— Якобы она предоставила текст актрисам, осуществляла контроль за репетициями, за правильностью произношения, видимо, чтобы они там не шепелявили...

— **Ну понятно, что нужно прописать как бы преступную роль драматурга.**

— Она контролировала. А «преступная роль Беркович заключалась в подборе актрис, технического персонала для постановки пьесы, подыскивании площадок для проведения репетиций, обеспечения контроля при проведении репетиций, отведенных актрисам ролей». То есть получается, сами актрисы чего-то там играли, а Беркович как режиссер осуществляла за ними контроль. Петрийчук следила, чтобы правильно произносили текст, а Беркович все контролировала.

Вот так они преступление совершали. «С целью исполнения своего преступного умысла Беркович пригласила не осведомленных», как считает следствие, актрис: Горобец, Цигаль-Полищук, Сапожникову, Сперанскую и других, девять человек, плюс помощника режиссера, плюс еще композитора, и вместе они образовали коллектив «Дочери Сосо». Так считает следствие, хотя этот коллектив был образован раньше, и у него были другие постановки. Еще следствие считает, что каждой из

этих актрис «Беркович отвела определенную роль в спектакле». Я вот хочу посмотреть, в каком еще спектакле «каждой из актрис не отведена определенная роль»?

То есть, исходя из этого обвинительного заключения, любого режиссера и драматурга любого спектакля, помощника режиссера и так далее — всех их можно арестовать, потому что они договорились: один написал пьесу, другой на основании этой пьесы поставил спектакль, дальше они подыскали актрис, помещение, распределили роли, поставили спектакль. Все. Значит, это может быть 205.2 УК РФ, потому что на любой спектакль может прийти эксперт-деструктолог и трактовать это как угодно.

А дальше, ну как мы раньше говорили,

Анна Каренина бросилась под поезд — значит, это пропаганда суицида. Раскольников убил старушку — значит, это пропаганда убийства. Ну и так далее.

Как говорит нам Роман Силантьев (деструктолог, глава лаборатории деструктологии, автор экспертизы. — «Новая»), что везде есть деструктивные идеологии.

— То есть нельзя никаких серьезных тем брать, потому что все это может быть опасно для зрителя.

— Да, нельзя ставить пьесу Шекспира «Отелло», там произошло убийство.

— Когда вы и защитники Петрийчук получили ответы из Минюста, что деструктологическая экспертиза не может проводиться по такому делу, и вы просили суд признать ее

недопустимым доказательством. Суд не согласился, следовательно заказал еще одну экспертизу — психолого-лингвистическую в УФСБ Екатеринбурга. И в этой экспертизе эксперт Светлана Мочалова вообще ставит знак равенства между терроризмом и исламом, так?

— По мнению экспертов, пьеса основана на сказке и на советском фильме 1977 года «Финист Ясный Сокол»... Нет, это никак не основано. Спектакль на стыке форм и культур. Просто вся эта вербовка как бы облачается в форму русской сказки. И никто не говорит, что Финист — исключительно добрый герой, который должен на что-то вдохновлять. Совсем нет.

Но так как лингвисты, деструктологи, эксперт-лингвист из ФСБ Свердловской области, видимо, не являются все-таки специалистами в области театра, они вырывают из художественного произведения, из контекста определенные фразы и на этом строят свое заключение. А дальше делают компиляцию из всего этого, и у них получается, что «ислам — это терроризм». Хотя возникает вопрос: разве это не межрелигиозная рознь? Потому что ислам — это не терроризм, какая-либо религия не может быть терроризмом, нормальный человек так считать не может.

— И все? Больше у обвинения нет доказательств?

— Нет. Мы говорим: нам дали грант СТД, следовательно пишет запрос в Минкульт и спрашивает: «Вы давали грант?» Минкульт отвечает, что не давал. Давал СТД, следствие в СТД запрос не отправляет. В договоре, который полностью принят СТД, даже есть пункт, в котором написано, что «получатель гранта при реализации мероприятия несет ответственность в соответствии с действующим законодательством за демонстрацию курения табака, за пропаганду наркотических и психотропных веществ или прекурсоров, за пропаганду или агитацию, возбуждение, социальную, расовую, национальную,

религиозную ненависть и вражду, а также за пропаганду экстремистской деятельности и использование экстремистских материалов».

У нас есть акт сдачи-приемки — спектакль принят без претензий. Значит, те люди, которые обладают специальными познаниями в этой области, ничего не обнаружили. Они же не самоубийцы, чтобы принимать спектакль, в котором содержится оправдание экстремизма, терроризма и так далее.

А дальше — большое количество экспертов, больше 50 человек экспертного совета и впоследствии жюри «Золотой маски», жюри фестиваля «Реальный театр», жюри фестиваля «Особый взгляд» — все они, будучи театральными деятелями с разными политическими взглядами, с разными театральными взглядами на постановку пьес, будучи режиссерами, сценаристами, актерами, то есть разными абсолютно людьми, — не обнаружили никакого оправдания терроризма, а, наоборот, номинировали спектакль на различные премии.

И вдруг следствие спустя четыре года, тоже ничего не обнаружив, обращается к экспертам, которые вдруг что-то нашли.

Суд по делу Евгении Беркович и Светланы Петрийчук в Москве. Фото: AP / TASS

«Они ничего не оправдывали»

— Скажите, какой срок грозит Беркович и Петрийчук?

— По статье 205.2 УК РФ, если суд соглашается с обвинением, то предусмотрена уголовная ответственность сроком от 5 до 7 лет лишения свободы, но в исключительных случаях возможен штраф.

Но мы считаем, что они невиновны. Они ничего не оправдывали, ничего не пропагандировали. Нет никаких доказательств, что кто-либо, посмотрев спектакль, пошел в ряды террористов. И вообще я считаю, что это социальный спектакль, направленный на то, чтобы предотвратить терроризм.

— Кажется, вообще в истории российского судопроизводства не было дел, когда драматурга и режиссера судили за пьесу и

спектакль. Мы помним, как судили за выставки: «Запретное искусство», «Осторожно, религия». Тогда обвиняемые получили штрафы. Но было другое время. Почему сегодня такое стало возможным?

— Ну во-первых, я в принципе считаю, что нельзя судить человека за слова, что любой человек в любом эмоциональном состоянии может написать в какой-то соцсети все что угодно, потом об этом сильно жалеть... И сажать его за это в тюрьму? Но в данном конкретном случае это не пост, это не репост, это не статья. Это вообще не какое-то мнение этих людей, которое бы они отстаивали, — это художественное произведение, в рамках которого ни драматург, ни режиссер не обязаны разделять мнение героев, которых они описывают. Потому что если бы спектакль состоял из трех слов: «Я против терроризма, и я против того, чтобы девушки ехали в ИГИЛ (запрещенная на территории России террористическая организация), никто бы никогда не читал, не смотрел и не пошел на спектакль. И очевидно, что с помощью любых художественных образов до зрителей доносится важная мысль, какие-то смыслы. И каждый эти смыслы сам находит, слушая актеров. То есть мы посмотрели этот спектакль и увидели в нем одни смыслы. А вот следователи, эксперты и единственный, по сути, свидетель обвинения из Нижнего Новгорода посмотрели этот спектакль и увидели совершенно другие смыслы. Получается, что обычные люди, которые смотрели спектакль, и специалисты в области театрального искусства не поняли, что это «оправдание терроризма», а это поняли следователи и эксперты?

* Социальная сеть признана экстремистской и запрещена в России.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Маленькие трагедии традиционных ценностей](#)

В честь 8 марта перечитываем пьесы Светланы Петрийчук

14:28, 9 марта 2024, Виктория Артемьева

[«Мои дети – огромные молодцы. А в деле нет даже фальсификаций. Просто ноль»](#)

Письменное интервью Жени Беркович из СИЗО. Скоро начнется процесс

12:01, 2 мая 2024, Зоя Светова

[Жене Беркович и Светлане Петрийчук продлили арест в СИЗО сразу на полгода – до 22 октября](#)

17:30, 3 мая 2024,